

«33 обморока». „Юбилей“. Мерчутк на — а т. Н. И. Серебряникова. Рис. Э. Мордмиловича

„33 обморока“. Театр им. В. Мейерхольда. „Медведь“. Слева: Смирнов — арт. Н. И. Боголюбов. Рис. Э. Мордмиловича. Справа: помещица Попова — арт. З. Н. Ряйх. Рис. А. Шабад

почин воскрешения водевиля, идя навстречу явно выраженному спросу на веселую театральную шутку. До сих пор репертуар театра пополнялся преимущественно пьесами пародийного характера или сатирическими. Предполагалось, что только такой смех допустим на советской сцене. Брешь была пробита *«Чужим ребенком»*, в котором водевильная путаница и комизм положения заняли очень видное место. Потом с успехом прошел советский водевиль Ильфа и Петрова. Наконец, театр решился на «чистый» водевиль, избрав на первых порах путь исторический. Под руководством Н. М. Горчакова были поставлены старинные водевили, в том числе и русский, каратыгинский.

Театр Сатиры ставил своей задачей сохранить в неприкосновенности наивность, простоту, непосредственность старого водевиля. Если что и внес нового театр, то лишь ту утонченную культуру, не без примеси эстетства, которая создана была за период, истекший со времени создания водевилей.

Успех театра бесспорен. Он объясняется не только тем, что в театре Сатиры сохранились старые кадры и нашлись новые, владеющие мастерством водевильной игры. Актеры играли весело, непринужденно, легко, заставляя публику смеяться так же непринужденно и заразительно. В зрительном зале была атмосфера легкой и остроумной шутки. Никто не делал «очень серьезного лица» и «не угнетал себя очень серьезными мыслями». А это значит, что театр стал на правильный путь подачи водевиля. Он шутку играл как шутку, следуя именно тому указанию, которое Чехов давал Щеглову.

Оказалось, что наша публика, советская, в значительной части своей рабочая публика, ценит, любит простую, неприязательную шутку, любит здоровое веселье, и водевиль, выброшенный за ненадобностью буржуазией, получает снова признание и начинает жить второй и еще более яркой молодостью. Что тут удивительного? Победивший рабочий класс обладает секретом молодости и жизнерадостности. Об его способности к героической борьбе, к подвигам творческого труда, нет нужды говорить. Серьезность пролетариата советской страны очень хорошо чувствует международная буржуазия. Глубина и значительность социалистического строительства проявляется во всем — в театре так же, как в литературе, в искусстве. Социалистический реализм в нашей стране родил искусство высокого героического пафоса и монументального стиля. Но борцы и строители пролетариата умеют смеяться так весело, заразительно и простодушно, как никогда не смеялась буржуазия. Смех вытекает из социалистического реализма, из полнокровного, жизнедающего, утверждающего восприятия жизни. Только

ограниченные люди могут ставить пределы советскому смеху: ни шагу за грань сатиры! В сатирическом злом смехе советская литература никому не уступит первого места. Но и шутки она не отдаст никакому «гувернеру», не понимающему своей собственной комической роли.

Театр Сатиры избрал правильный путь, подчеркнув в старинных водевилях моменты шутки. Поэтому и вышел легкий, живой, остроумный спектакль. Советскому театру нужен свой, советский водевиль. И надо учиться у старых мастеров, классиков водевиля их технике. Театр им. Мейерхольда, избравший для чеховского юбилейного спектакля водевили, со своей стороны пошел навстречу новой публике, требующей от театра, наряду с героикой и классикой, также и веселого смеха.

Но театр Мейерхольда избрал путь совсем иной, чем театр Сатиры. Поэтому и спектакль вышел спорным.

Вс. Мейерхольд исходил из того положения, что водевили Чехова сами по себе устарели, и их непосредственность не в стиле нашей эпохи. Их надо показать по-новому и раскрыть в них то, чего не видел прежний, буржуазный зритель, и чего не замечал даже сам Чехов. Он, например, называл свои водевили шутками. Это, по мнению В. Э. Мейерхольда, неверно. В чеховских водевилях есть свой глубокий социальный смысл. Они по сути своей серьезны, и надо эту серьезность довести до нынешнего зрителя. Сами по себе, как шутка, водевили Чехова и не представили бы интереса для Мейерхольда. Он слишком серьезен для того, чтобы заниматься просто театральными шутками. В водевилях он видит сатиру, обличение всего помещичьего и буржуазного духа. Это не так легко найти, но если поискать методами вскрытия потустороннего смысла, то найти можно.

Мейерхольд нашел. Оказалось, что не только есть потусторонний смысл во всех водевилях Чехова, но это даже один и тот же смысл. Все проходили мимо обмороков в водевилях Чехова, думали, что это так, деталь комических положений. Мейерхольд проник в тайны авторского замысла, тщательно скрытые от критиков и друзей Чехова. Оказалось, что обмороки это и есть суть. Они объединяют три водевиля, написанные в разное время, с разными действующими лицами, с разными сюжетами. Все эти лица, все эти сюжеты — дело второстепенное. Основное — в обмороках. Обмороки говорят о неврастении господствующего класса, и стало быть, водевили разоблачают обреченность, вырождение, немощность помещиков и буржуазии. Поэтому *Юбилей*, *Медведь* и *Предложение* превратился в трилогию, или, вернее, в театральные триптих: 33